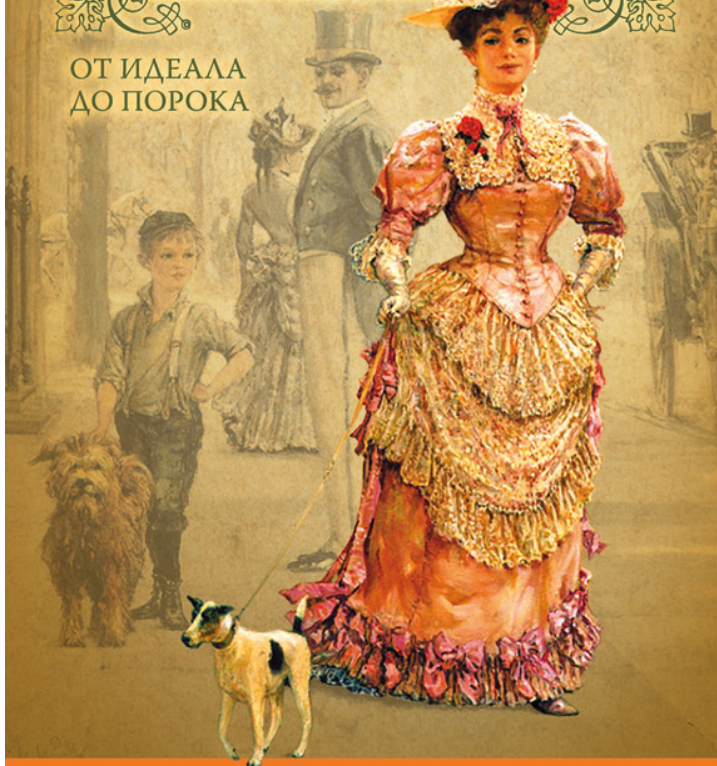

КАТЯ КОУТИ КЭРРИ ГРИНБЕРГ

Женщины Викторианской Англии

ОТ ИДЕАЛА
ДО ПОРОКА

КАК ЖИЛИ ЖЕНЩИНЫ РАЗНЫХ ЭПОХ

**Екатерина Коути
Кэрри Гринберг
Женщины Викторианской
Англии. От идеала до порока
Серия «Как жили
женщины разных эпох»**

Текст предоставлен правообладателем

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=6444094

Женщины Викторианской Англии: от идеала до порока: Алгоритм; М.;

2013

ISBN 978-5-906947-56-7

Аннотация

XIX век... Мало кто из романтично настроенных барышень не мечтал пожить в том времени: галантные кавалеры, красивые платья, балы, стихи, прогулки в экипажах... Но каково быть женщиной в обществе, в котором врачи всерьез полагали, что все органы, делающие женщину отличной от мужчин, являются... патологией? Или где учениц престижных пансионов держали на хлебе и воде, и в результате в высший свет выпускали анорексичек.

Подобные ужасы – не выдумка, а тщательно хранимые, но зафиксированные историей Великобритании секреты, которые авторы вытащили на свет в этом фундаментальном труде.

Впрочем, эта книга – уникальна и по другим причинам. Быт английской женщины – от титулованных до простых работниц – показан здесь через призму обычаев, суеверий, моды, любовных связей и даже тайных пороков. Мы рассмотрим не только платья и шляпки, но и нижнее белье дам XIX века. А еще – угостимся супами, пирогами, бисквитами и прочими традиционными угощениями, приготовив их дома по приведенным в тексте рецептам.

Содержание

Вступление	5
Глава первая	9
Семейный идеал	9
Ухаживания и помолвка	20
Свадьба	28
Сексуальность	45
Конец ознакомительного фрагмента.	50

Кэрри Гринберг, Екатерина Коути Женщины Викторианской Англии: от идеала до порока

Вступление

«Чем я могу себя порадовать? Как заслужить восхищение окружающих? Как мне разнообразить свою жизнь? Ни одна чуткая женщина не будет задаваться такими вопросами, прежде чем приступить к своим ежедневным занятиям.

Наиболее достойным женским качествам соответствуют другие вопросы. Как мне лучше всего распорядиться своим временем, силами и средствами, дабы принести наибольшую пользу? Если кто-то болен, я должна тотчас посетить его комнату и окружить его атмосферой заботы, обратив внимание на такие мелочи, о которых, возможно, позабыла усталая сиделка. Если кто-то собирается в путешествие, я должна распорядиться о раннем завтраке или

же приготовить его сама, не тревожа служанку, работавшую допоздна. Не забыла ли я оказать кому-то из домашних любезность, не обидела ли их? Если так, то сегодня утром я сердечно поприветствую их и покажу им со всей деликатностью, как я раскаиваюсь в своем проступке...

Если же ничто особенное не привлечет мое внимание, я все равно встречу своих близких с осознанием того, что, будучи наименее занятым членом семьи, я готова посвятить себя общему благу, вовлекая их в дружелюбную беседу, подстраиваясь под главенствующие чувства и пытаюсь развеселить всех тех, кому грустно», – писала Сара Стикни Эллис в книге «Женщины Англии» (1839).

На протяжении Викторианской эпохи (1837—1901) бескорыстная доброта, воспетая Эллис, оставалась женским идеалом. К доброте можно прибавить чистоту помыслов, скромность, сдержанность и самоотверженность – не героическую, она женщинам не надобна, а, скорее, способность «молчать и терпеть», справляясь с повседневными невзгодами. Достойную женщину сравнивали с домашним ангелом или с плющом, что поддерживает могучий дуб.

Дамы из среднего класса в Викторианскую эпоху стала символом своих мужей. Их роскошные наряды, дома, набитые роскошной мебелью и безделушками, сложные общественные ритуалы, которые они проводили, то и дело сверяясь со справочниками, – все это свидетельствовало о процветании их супругов, а следовательно, и нации в целом. Но

неудобные наряды, на которые уходили десятки метров ткани, – не самая большая беда этой эпохи. По крайней мере, носящие их женщины жили в достатке, не знали голода и если от чего и страдали, так разве что от скуки. Гораздо хуже приходилось женщинам из низов общества. Тех ожидала безрадостная карьера служанок или же бесконечные часы на фабрике среди стрекочущих станков. В итоге кто-то томился от безделья в гостиной, а кто-то надрывался в шахте.

Были ли викторианские женщины несчастными? Не более, чем женщины любой другой эпохи. Целью этой книги является показать обычную жизнь обычных женщин – что их окружало в повседневности, чем они занимались, какие наряды носили, как принимали гостей, воспитывали детей и развлекались. Вы поближе познакомитесь с повседневной жизнью викторианской женщины – бытом, этикетом, развлечениями, модой, заботой о здоровье – и повстречаете некоторых известных англичанок XIX века. Как вы заметите по ходу чтения, особое внимание здесь уделяется среднему классу, ведь теперь уже он задавал тон как для низших слоев общества, так и для аристократии, и именно его семейные ценности распространились повсеместно.

Историк Дженет Хороуиц Мюррей выделяет три основных женских образа в культуре Викторианской Англии – идеальный (счастливая мать, заботливая дочь, стыдливая невеста), порочный (дерзкая служанка, проститутка, языкастая девица с рабочих окраин) и страдающий (голодная

швея, гувернантка, прозябающая в одиночестве). Со всеми этими образами – и с бунтарками, и с благонаправными особами – вы встретитесь на страницах нашей книги.

Глава первая

Семейная жизнь

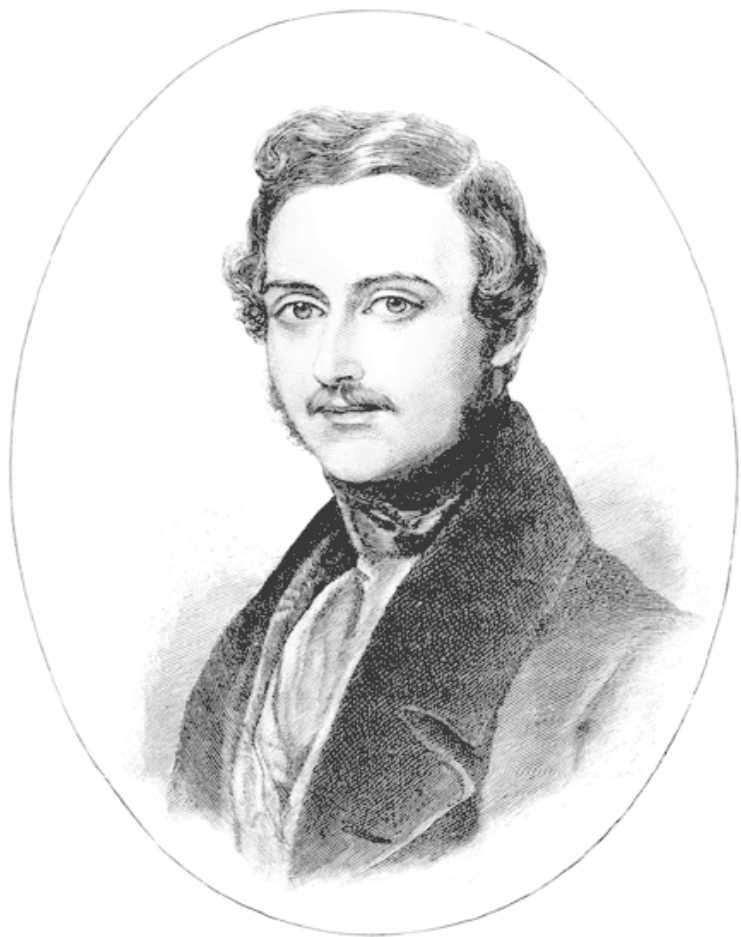
Семейный идеал

Брак по любви стал всеобщим идеалом в Англии еще на заре XIX века, что для нас может прозвучать немного странно. Не в том смысле, что брак по любви – это странно, а что бывает как-то иначе. Однако до середины XVII века браки заключались зачастую по решению родителей, которые, в свою очередь, исходили из взаимовыгодного обмена. Однако со временем понятие семьи менялось, и с XVII—XVIII веков ее начали считать крепко сплоченной единицей общества, основанной скорее на любви, чем на экономической выгоде. В рамках нового представления о семье любовь стала рассматриваться основным элементом брака. У женщин появилась возможность выбирать себе жениха, хотя порою она была ограничена как требованиями родителей, так и общепринятыми нормами. В идеале, брак перестал быть сделкой или договором, но представлял собой союз двух людей, которые духовно обогащали друг друга в течение совместной жизни.

Пример такого брака был у англичан перед глазами: королева Виктория и принц Альберт. Они поженились 10 фев-

раля 1840 года, когда им обоим было всего по 20 лет, а коронация Виктории состоялась менее 3 лет назад. Опровергнув аксиому, что «жениться по любви не может ни один король», Виктория вышла замуж не только по воле дядюшки Леопольда, но и по велению сердца (правда, она все-таки дождалась, когда потенциальный жених возмужает и обретет светский лоск). Будучи королевой, она сама сделала предложение юному герцогу Саксен-Кобург-Готскому. Альберт тоже души не чаял в супруге. Но на пути к счастливому браку пара столкнулась со множеством препятствий, включая споры по поводу наследства Альберта в Германии и непростой характер невесты. Самой большой проблемой, вероятно, оставалось то, что королева, будучи правительницей нации, имела другие права и обязанности по сравнению со своими подданными. От нее не требовалось подчиняться воле мужа. Однако, несмотря на всю свою власть, Виктория воплотила в браке английские семейные ценности – любовь и взаимное уважение, порядочность, заботу о ближнем.

Королева Виктория и ее супруг Альберт.

Контраст с предшественниками королевы получался особенно ярким. Предыдущие монархи не отличались добродетельностью. Дядя Виктории Георг IV пребывал в состоянии холодной войны со своей супругой Каролиной Брауншвейгской. Немецкую принцессу Георгу навязал отец – только на таком условии он согласился уплатить огромные долги принца. Ко времени официальной женитьбы в 1796 году принц Уэльский уже успел связать себя узами брака, правда, тайного и морганатического. Его супругой стала Мария Фитцгерберт, католичка и дважды вдова, а бракосочетание состоялось в ее гостиной. Хотя по закону особы королевской крови не имели права вступать в брак без разрешения монарха, Георг считал Марию своей законной супругой и по-своему хранил ей верность (иными словами, возвращался к ней после очередного загула). Каролине повезло меньше. При первой же встрече Георг залпом выпил рюмку бренди, уж очень вульгарной и нечистоплотной показалась ему невеста. В свою очередь, она не рассчитывала, что жених окажется таким толстячком. Задумка Георга назначить свою любовницу ей во фрейлины тоже не позабавила Каролину. Вдобавок на свадьбе принц Уэльский так напился с горя, что всю ночь проспал на каминном коврике, и лишь каким-то чудом супругам удалось зачать дочь Шарлотту. Сразу после рождения принцессы Георг и Каролина прекратили отношения, хотя принц никогда не забывал супругу. Правда, думал он

лишь о том, как бы поскорее с ней развестись, а его забота о жене истощивалась тем, что в своем завещании он оставил ей один шиллинг.

В 1820 году Георг, уже принц-регент, начал бракоразводный процесс. К тому времени Каролина много лет развлекалась на Континенте и, по слухам, водила слишком близкую дружбу с каким-то знойным итальянцем. И тут на защиту изгнанницы стали виги, которые уже наточили зуб на своего правителя – обжору, распутника и вертопраха. По мнению адвокатов Каролины, Георг был последним, кто имел право обвинять жену в измене. С его-то репутацией. В итоге принц-регент так и не добился развода, зато отомстил лучшей половине иначе – запретил страже пускать Каролину на его коронацию в 1821 году. Вскоре после публичного позора королева скончалась.

Вильгельм IV, сменивший на престоле своего брата Георга, никогда не рассчитывал на корону, поэтому без зазрения совести сожительствовал с актрисой. Но после того как принцесса Шарлотта, главная претендентка на престол, разродилась мертвым ребенком и вскоре умерла, Вильгельм неожиданно-негаданно оказался наследником. Второпях он женился на немецкой принцессе Аделаиде. У герцога Кентского, отца Виктории, было множество любовниц. Родители Альберта разъехались после нескончаемых дразг, а потом и вовсе развелись.

На фоне скандальной родни Виктория и Альберт казались

оплотом нравственности. Они действительно жили душа в душу в любви и согласии. Вскоре после свадьбы королева писала в своем дневнике: *«Мой милый, дорогой, дражайший Альберт сидел подле меня, и его всеохватывающая любовь позволила мне почувствовать райское счастье, на которое я ранее не могла и надеяться! Он заключил меня в объятия, и мы целовались снова и снова! Его красота, его нежность, его обходительность — я никогда не смогу до конца выразить свою благодарность за такого мужа»*. В этих отношениях, однако, традиционные семейные роли были вывернуты наизнанку: Виктория называла мужа «ангелом», и это он стал «хранителем дома», пока королева занималась государственными делами. Хотя «домашним ангелом» полагалось быть женщине, Альберт справлялся «на ура». Он перекроил бюджет королевской семьи, урезал бесполезные траты и перестроил систему субординации среди слуг, сэкономив в итоге около 25 тысяч фунтов в год.

При этом Альберт часто давал Виктории советы о политике, а королева балансировала между ролью главы государства и покорной жены (не считая ее страхов перед беременностью и родами — а это была первостепенная обязанность женщины). Она писала: *«Мы очень отличаемся от любой другой супружеской пары. А. находится в моем доме, а не я в его. Дорогой ангел Альберт, Бог знает, как я люблю его. Его положение тяжело, ничего не поделаешь»*. И хотя Викторию и Альберта нельзя назвать типичной викторианской семьей,

они укрепили новый по своей сути идеал: брак равных.

Квинтэссенцией викторианского супружества считается выражение «домашний ангел». Так называлась поэма Ковентри Пэтмора, в которой встречаются пассажи вроде *«Мужчине нужно угодить, но угодить ему – удовольствие для женщины»*. Прототипом главной героини Онории стала жена поэта Эмили. Пэтмор известен своим преклонением перед «домашней богиней», которая самоотверженно служит мужу, но его идеал брака также предполагал единение двух душ. Сара Стикни Эллис, раздававшая англичанкам советы направо и налево, тоже писала в книге «Жены Англии» (1843), что настоящий брак по любви – это идеал, к которому стоит стремиться. При этом Эллис предупреждала читательниц, что быть женой – нелегкий труд, требующий многих жертв. Она советовала женщинам *«быть готовыми обнаружить недостатки в мужчинах, которые имеют место быть, как и пятна на солнце и облака в летний день, но не любить их из-за этого меньше»*. Кроме того, она призывала читательниц помнить, что «государственные вопросы и конкуренция в делах» требуют большой концентрации сил и что женщина, к счастью для нее, практически никогда не испытывает такого напряжения. Жены должны терпеливо сносить отсутствие мужей, но, когда возможно, призывать их к радостям домашнего очага, потому что участие мужчин в конкурентной борьбе ожесточает их сердца. Таким образом, женщина становилась своеобразным противоядием от

бездуховности, сопутствующей коммерции.

Образ «домашнего ангела» претил англичанкам, стремившимся к независимости. Оглядываясь назад, Вирджиния Вулф оставила ядовитую характеристику идеальной викторианской жены: *«Она была чрезвычайно сострадательной, бесконечно очаровательной и запредельно бескорыстной... День за днем она приносила себя в жертву – от курицы брала всего лишь ножку, сидела на сквозняке. Словом, она была устроена так, чтобы не иметь своих собственных мнений и желаний, но все время подстраиваться под мнения и желания окружающих. Нужно ли говорить, что превыше всего она была чиста и невинна?.. Тень от ее крыльев падала на мои страницы, я слышала шелест ее юбок за спиной... Но я набросилась на нее, схватила за горло и постаралась уничтожить... Если бы я не убила ее, она убила бы меня».*

Несмотря на важность романтической любви, викторианцы оставались людьми практичными. Не стоит забывать, что это было время промышленности, прогресса и науки. И когда дело доходило до заключения пожизненной договоренности, родственники жениха и невесты призывали их как следует поразмыслить. Печальные последствия необдуманного выбора описываются в литературе: например, мучительный союз Доротеи Брук и Эдварда Кейсобона в «Миддлмарче» и несчастный брак Дэвида Копперфилда и Доры Спенлоу.

В книге «Как быть счастливым в браке» (1885 года) Эд-

вард Харди советует присмотреться к своему объекту воздыхания еще на стадии ухаживаний, если только *«вам не захочется жить с лжецом, вором или пьяницей в течение двадцати или тридцати лет»*. *«Мужчины же должны жениться не с целью получить кухарку и служанку, но чтобы обрести в жене друга и единомышленника»*, – писал Харди. При этом жена должна не только составлять компанию мужу, но и содержать дом в порядке. И, конечно же, быть красивой, милой, доброй, обходительной, любящей, нежной и экономной. Подумаешь, всего-то!

Из-за экономических реалий и общественных норм многие викторианские женщины спали и видели, как бы выйти замуж. Не вступить в брак считалось большой неудачей и практически трагедией. На 1871 год около 90% женщин в возрасте 45—49 лет были замужем либо вдовами. Однако мужчины среднего класса не спешили обзаводиться супругой. Сначала они должны были достичь того уровня дохода, который позволил бы им обеспечивать семью. Ведь перед женитьбой они должны были свить семейное гнездышко, снять дом и меблировать его, нанять прислугу. Нельзя сказать, что справочники по домоводству сходились во мнении о доходе, позволявшем претендовать на звание среднего класса. Нередко называлась сумма в размере 300 фунтов в год – как раз хватит, чтобы нанять трех слуг. Некоторые современники, однако, утверждали, что 300 фунтов – это огого как много. Согласно статистике, в 1867 году доходы 637

875 семей составляли от 100 до 300 фунтов и только 150 000 семей шиковали на 300 фунтов и выше. Доходы меньше 100 фунтов годовых получало 757 250 семей.

С такими высокими требованиями к будущему мужу совершенно неудивительно, что Великобритания на тот момент являлась страной поздних браков: для женщины считалось нормальным выходить замуж в возрасте 23—26 лет, а для мужчины – от 25 до 30, при этом возраст мог увеличиваться с ростом социального статуса.

Ухаживания и помолвка

Хотя идеалом брака был союз любящих сердец, огромную роль в выборе партнера играла классовая принадлежность. Книга советов «Этикет любви, ухаживаний и брака» (1847) утверждала: *«Женщины не поднимает мужчину до того положения, которое она занимала до брака, а опускается на его уровень. Однако мужчина поднимает женщину за собой, как бы низко она ни стояла ранее»*. Забавно, что подобные книги описывали все что угодно, аккуратно обходя главную тему – любовь. *«Оставим ее писателям, поэтам и моралистам»*, – писалось в подобных справочниках, и разговор вновь возвращался к хорошим манерам. «Этикет любви, ухаживаний и брака» ясно дает понять: любовь – вещь серьезная и обдуманная и не имеет ничего общего с кокетством, флиртом и прочими *«ошибочными представлениями»*, которые девушки могли почерпнуть в *«неестественной философской системе, представленной в сентиментальных романах»*.

Предложение руки и сердца. Рисунок из журнала «Иллюстрированные лондонские новости», 1884.

Со всех сторон влюбленных настраивали против тайных браков. Прежде чем сделать свой свободный выбор, им настоятельно рекомендовалось спросить совета у родителей. Ведь леди «встретив кавалера на балу или на другом общественном мероприятии, видит все в розовых красках», и ей крайне необходим «совет и внимательное отношение к ее чувствам», которые может обеспечить только мать. Роди-

тели отвечали за то, чтобы определить характер и положение воздыхателя, желательно еще до того, как молодые люди успеют влюбиться. Если влюбленным не исполнилось 21 года, родители имели законные основания запретить им вступить брак. Вдобавок к юридическим ограничениям ранние браки осуждало общество, ведь *«в 9 случаях из 10 в более взрослом возрасте девушка выбрала бы другого жениха»*.

В качестве рекомендации справочники предлагали несложную формулу: *«лучшей разницей в возрасте является следующий расклад: разделить возраст мужчины пополам и добавить семь лет. Мы полагаем, что тридцатилетний мужчина лучше всего подходит 22-летней девушке, и по этому же стандарту сорокалетнему стоит выбрать жену в возрасте 27 лет»*.

Итак, будущий супруг избран, начинается испытательный срок... то есть период ухаживаний. За это время девушка старалась выявить в своем избраннике такие неблагонадежные черты, как неуважение к ней самой и ее семье, недостаток набожности, склонность к мотовству и вульгарным забавам. Молодому человеку следовало обратить внимание на нрав своей избранницы. Было важно, чтобы будущая невеста внимательно относилась к домашним обязанностям, была учтива с родителями и приятна в обращении. Но поскольку инициатива в ухаживаниях исходила от мужчин, подразумевалось, что у них уже сложилось впечатление о девице.

Главная проблема заключалась в том, что барышням из

привилегированных слоев общества запрещалось оставаться наедине с мужчинами. Все их общение происходило или в общественных местах – в театре, на балу, во время конной прогулки, или же дома, но под бдительным оком старших. От чрезмерного мужского внимания девиц оберегали компаньонки, которыми становились родственницы, гувернантки либо специально нанятые дамы (замужние или вдовы). В 1844 году Энн Ришелье Лэм сетовала: *«Женщин с детства учат охотиться на мужей, посему любому знаку внимания со стороны мужчины они предают особое значение... Опасаясь, как бы им не пришлось пойти под суд за нарушение брачного обещания, мужчины избегают женского общества, а расспросы заботливых родителей или братьев об их намерениях в отношении той или иной девицы заставляют их трепетать, из-за чего общение между полами становится натянутым, искусственным и неловким»*. Вероятно, писательница все же сгущала краски, но, так или иначе, знакомиться и общаться под жгучим взором маменьки, да еще и ежеминутно опасаясь друг друга скомпрометировать, было занятием не из легких.

Возникал и другой вопрос: как долго должен длиться период ухаживаний? Молодым людям следовало изучить друг друга как можно лучше, но в то же время затянувшиеся ухаживания ставили под угрозу свадьбу – вдруг влюбленные изменят свое решение или на горизонте появится новый объект любви. Кроме того, существовало опасение, что слиш-

ком долгие ухаживания приводят к грехопадению до брака, хотя это было затруднительно при постоянном наличии сопровождающих.

За неимением возможности послать любимой эсэмэску, в Викторианскую эпоху по старинке писали любовные письма. В 1840 году в Великобритании появилась так называемая *penny post*, т. е. почта, позволяющая дешево и быстро отправлять письма, и по всей стране запорхали любовные послания. В 1841 году по почте было отправлено более 400 тысяч валентинок, а через 30 лет их число утроилось. При этом валентинки посылали один лишь раз в году, а любовные письма – намного чаще.

Написание любовных писем было непростым занятием. Так что нет ничего удивительного в том, что в ответ на спрос возникло огромное количество пособий с советами, как писать письма и не допускать ошибок. Шаблонные примеры не следовало копировать, однако и отходить от них тоже не рекомендовалось, особенно тем, кто не обладал должным литературным вкусом. Справочники призывали использовать простой и понятный язык; излишней сентиментальности и напыщенности следовало избегать, чтобы не смутить адресата. Помимо любовных писем эти во всех отношениях полезные пособия предоставляли советы, как правильно намекнуть навязчивому кавалеру, что один вальс на балу – еще не повод для знакомства. Как пример приводится письмо от молодой леди, которая отвечает на предложение джентльме-

на, встреченного прошлым вечером:

«Я не хочу показаться жесткой, однако должна признать, что не вижу никакого смысла в столь поспешном предложении. Кроме того, я чувствовала себя обязанной показать Ваше письмо родителям, потому что и подумать не могу скрывать от них корреспонденцию подобного рода».

Приводится и другой, более благожелательный, вариант письма от молодой леди:

«Я не могу дать Вам свой ответ, не посоветовавшись с миссис N., и я уже показала ей Ваше письмо. Однако не могу отрицать, что с большим удовольствием получила Ваше послание, полное благородных и добрых чувств. Но прошу Вас простить меня, что пока я не могу дать вам никаких надежд».

После всех этих препятствий наших влюбленных ждал новый этап – помолвка! Помолвка давала молодой паре некоторые послабления и позволяла общаться теснее, чем раньше, чтобы окончательно сформировать впечатление о характере, привычках и нраве друг друга. Это имело как положительные стороны – паре наконец-то удавалось хоть немного побыть наедине – так и отрицательные: а вдруг кто-то из молодых в ужасе сбежит перед самой свадьбой? Так что помолвка – как и период ухаживаний – не должна была длиться слишком долго. В среднем классе она занимала от 6 месяцев до двух лет, хотя могла растянуться и дольше. Все зависело от того, насколько быстро жених мог подготовить дом и

все необходимое для начала семейной жизни. Если ему приходилось экономить и откладывать деньги по шиллингу, помолвка могла растянуться и на 3 года.

Оставался последний шанс избежать уз Гименея! Если женщина открывала в своем суженом несовместимые с браком привычки, она имела право разорвать помолвку. Для мужчины критерии для разрыва отношений были более серьезными. Если уж он столкнулся с такой необходимостью, то должен расторгнуть помолвку как можно более деликатно, чтобы не задеть честь леди и не допустить, чтобы хоть малейшая тень подозрения легла на ее репутацию.

Тем не менее расторжение помолвки было чревато для горе-жениха серьезными неприятностями, особенно если невеста успевала от него забеременеть или если ее родители разозлились не на шутку. В XIX веке английское законодательство рассматривало иски от брошенных невест. Жених, виновный в нарушении обещания женитьбы, мог поплатиться штрафом. В те благословенные времена, когда слова «Я беру тебя в жены» уже приравнивались к заключению брака, подобными делами ведал церковный суд, но после 1753 года вокруг бракосочетания разрослись бюрократические формальности и инициативу переняли гражданские суды. Для успешного исхода дела брошенная невеста должна была предоставить доказательства, подтверждавшие серьезность намерений беглеца, – например, его любовные письма или подарки. Показания друзей и родственников тоже годи-

лись, равно как и незаконнорожденный карапуз, вцепившийся в мамину юбку. Несмотря на то, то присяжные не могли принудить жениха выполнить обещание, невеста получала сотню-другую фунтов – неплохой доход, учитывая, что женщинам не позволялось делать карьеру и зарабатывать наравне с мужчинами. В 1824 году актриса Мария Фут отсудила у своего любовника 3000 фунтов за то, что он 4 раза менял дату их свадьбы, но так ни разу и не явился на венчание.

Чарльз Диккенс высмеял процессы о нарушении брачного обещания в «Посмертных записках Пиквикского клуба», где на мистера Пиквика подает в суд его квартирная хозяйка миссис Бардл. В реальности же подобные дела далеко не всегда были забавными. В случае с Эдит Уильямс ее соблазнитель Эдвард Хьюз бросил ее после того, как она забеременела, – по его словам, их связь не одобрял его отец. Но если незамужняя женщина должна была до седых волос подчиняться родителям, от холостяков ожидали большей самостоятельности. Судья обязал Хьюза уплатить Эдит 150 фунтов. Случаи, когда женщине удавалось отсудить у неверного жениха деньги (даже служанке у хозяина!), встречались повсеместно, причем во второй половине XIX века их число даже увеличилось. Патриархальная снисходительность присяжных по отношению к женщинам имела свои плюсы: по крайней мере, они понимали, как тяжело придется покинутой невесте, и переводили ее разочарование в денежный эквивалент.

Свадьба

Пережив долгий период ухаживаний и помолвку, молодые, если не разбегались до этого, прямой дорогой следовали в счастливый брак. Здесь, однако, тоже не все было так просто, и обрученным приходилось пройти через множество формальностей. Согласно акту лорда Хардвика от 1753 года, сочетаться браком англичане могли только в присутствии англиканского священника и только в официальных церквях. За три недели до даты свадьбы священник каждое воскресенье объявлял в церкви о желании молодых людей вступить в брак. Если же они относились к двум разным приходам, то давали о себе знать в обоих.

Это делалось для того, чтобы обнаружить возможные препятствия для вступления в брак. До 21 года жених и невеста не имели права венчаться без согласия одного из родителей или опекунов. Если родители запрещали бракосочетание, священник не имел право его проводить. Другими препятствиями для брака были бигамия, т. е. наличие другого здравствующего супруга, и близкородственные связи (причем вдовец не имел права жениться на сестре покойной жены – это считалось инцестом).

Самый яркий пример запрета на бракосочетание мы видим в романе «Джейн Эйр» в сцене свадьбы Рочестера и Джейн. Поистине трагический момент!

«— Прошу и заклинаю вас обоих (как вам придется ответить в грозный Судный День, когда откроют и тайны всех сердец), если кому-то из вас известно препятствие, воспрепятствующее вам вступить в законный брак, объявить о нем незамедлительно, ибо все те, кто соединяется иначе, чем дозволяет Слово Божье, не получают Божьего благословения на свой союз, и он недействителен в глазах Закона.

Он замолчал, как того требовал обычай. Был ли случай, когда пауза после этого предупреждения нарушалась бы? Вероятно, ни разу за сотню лет. И священник, даже не поднявший глаз от требника, лишь перевел дух и, протянув руку к мистеру Рочестеру, уже приготовился спросить: «Берешь ли ты в жены эту женщину?», как вдруг совсем близко чей-то голос ясно и громко произнес:

— Обряд не может быть продолжен. Я заявляю о наличии препятствия.

Священник посмотрел на говорившего и онемел. Как и причетник. Мистер Рочестер покачнулся, будто у него под ногами содрогнулась земля, но выпрямился и, не повернув головы, глядя прямо перед собой, сказал:

— Продолжайте.

После того как он произнес это слово глубоким низким басом, воцарилась мертвая тишина. Затем мистер Вуд сказал:

— Я не могу продолжать, не раньше, чем будет рассмотрено это возражение и доказано, верно оно или ложно.

— Обряд не будет продолжен, — вновь раздался голос позади нас. — Я могу неопровержимо доказать свои слова: заключение этого брака невозможно из-за непреодолимого препятствия.

(...) Оно заключается в существовании предыдущего брака. У мистера Рочестера есть жена».

Оглашение бракосочетания в церкви (banns) являлось одним из способов предотвращения незаконных союзов. Однако иногда молодым хотелось избежать публичной огласки, особенно если вдова слишком поспешно рвалась под венец, или между молодоженами была большая разница в возрасте, или же имела место беременность. В таком случае подавали заявку на брачную лицензию. Это была более быстрая, хотя и дорогостоящая процедура. Чтобы получить лицензию, жениху или невесте следовало прожить в приходе не менее месяца. Здесь, правда, тоже существовало исключение. Архиепископ Кентерберийский мог выдать специальную лицензию, позволявшую проводить бракосочетание где угодно и когда угодно, но она была баснословно дорогой и предназначалась для сильных мира сего: пэров, баронетов, рыцарей и членов парламента.

Лицензии выдавали и тем, кто собирался провести гражданскую церемонию в мэрии или же обвенчаться по своему обряду — например, католическому или пресвитерианскому. За такими лицензиями приходили в окружную контору регистратора-суперинтенданта. Но англичане, ценившие тра-

диции, довольно скептически относились к гражданской церемонии бракосочетания. Довольно мрачную картину рисует Томас Гарди в романе «Джуд Незаметный»:

«В зале собралось несколько человек – там шло бракосочетание какого-то солдата с молодой женщиной (...) Солдат был угрюм и недоволен, невеста – застенчива и печальна; под глазом у нее был синяк, и в скором времени ей, видимо, предстояло стать матерью. Скромная церемония скоро закончилась, и пара покинула помещение в сопровождении бестолково засуетившихся друзей. Один из свидетелей, проходя мимо Сью и Джуда, обратился к ним, словно к давним знакомым, и сказал:

– Поглядите-ка вот на этих, они только что вошли. Ха-ха! Парня только утром выпустили из тюрьмы. Она встретила его у ворот – и сразу сюда. Сама и расходы все оплатила.

(...) Сью отступила назад и взглянула на Джуда, губы ее искривились, как у готового заплакать ребенка.

– Джуд, мне не нравится здесь! Лучшие бы мы сюда не приходили! Это место внушает мне омерзение: разве не противоестественно такое освящение нашей любви? Лучшие уж пойти в церковь, если обряд так уж необходим. Там хоть не так пошло!»

Сразу после принятия акта 1753 года англичане начали искать простые, быстрые и дешевые способы соединиться в законном браке. Одним из таких вариантов было солгать про

свое место жительства и податься в крупный город, где священник не знает всех своих прихожан в лицо. Объявлять о грядущем браке среди незнакомцев было не так страшно. Однако при наличии лицензии и совершеннолетия всех задействованных лиц сочетаться тайным браком было не так уж сложно, даже несмотря на противодействие родни. Весьма захватывающей оказалась свадьба и последующий побег двух известных поэтов, Элизабет Барретт и Роберта Браунинга.

Элизабет Барретт Браунинг.

В 1840-х Лондон был очарован стихами загадочной поэтессы, которая, по слухам, была прикована к постели и не выходила из дома. Заинтересовался ею и начинающий поэт Роберт Браунинг, тем более что Элизабет несколько раз лестно отзывалась о его творениях. Между коллегами завязалась переписка, и в 1845 году они наконец встретились. Элизабет приняла поклонника в полутемной гостиной, лежа на диване, укутанная в пледы и шали. Она была страшно бледна и казалась истощенной – долгие годы Элизабет страдала от анорексии, истерии, агорафобии, боязни грома, яркого света и летучих мышей, а также еще целого букета нервных заболеваний. Тем не менее, ее потусторонний вид сразил Роберта. Он влюбился без памяти. Однако на пути к их счастью возникло серьезное препятствие в лице Эдварда Моултона Барретта, отца Элизабет. Мужчина суровый и властный, он, тем не менее, нежно заботился о дочери, часто приносил ей цветы, подолгу разговаривал с ней о литературе, приходил к ней вечером прочесть молитвы. Элизабет боготворила отца и трепетала перед ним, он же хотя и старался облегчить ее страдания, приглашая к ней лучших врачей, в глубине души был доволен ее положением инвалида. Такую дочь ни с кем не пришлось бы делить. Она существовала всецело для него.

На момент встречи с Робертом поэтессе было под сорок, ее любимому исполнилось 33, но им приходилось встречаться тайно, словно двум юнцам. Пока мистер Барретт работал в Сити, Роберт посещал Элизабет и проводил с ней несколько часов, успевая уехать до возвращения грозного папаши. Сестры Элизабет и вся прислуга были осведомлены об их отношениях, но не выдавали влюбленных – от мистера Барретта досталось бы и доносчику. Сам же он несколько раз заставлял Браунинга у себя дома, но не придавал его присутствию особого значения, полагая, что его разговоры с Элизабет сводятся к поэзии. В конце концов, дочь буквально жила на опии и до сих пор забивалась в угол при раскатах грома. Какая из нее невеста? Но в сентябре 1846 года дочь изрядно удивила мистера Барретта. Опасаясь, что вскоре отец увезет всю семью из Лондона, Элизабет и Роберт решили немедленно пожениться. 11 сентября Роберт взял свадебную лицензию и уже на следующий день обвенчался с Элизабет в приходской церкви Мэрилбоун. Свидетельницей невесты стала ее горничная, свидетелем жениха – его кузен. После свадьбы молодожены разъехались по домам, радуясь, но, вместе с тем, содрогаясь от содеянного. Вскоре они умчались во Францию, а оттуда в Италию, где до них уже не мог добраться мистер Барретт.

«Страх парализует меня при мысли о том, что придется сказать ему «Папа, я вышла замуж. Надеюсь, ты не очень огорчен». Ах, бедный папа!.. Он будет в ярости, он от меня

отречется... Но мы подчинимся ему, дорогой мой. Я упаду ему в ноги, чтобы он меня хоть немного простил – достаточно, чтобы вновь меня обнять... А ты, такой заботливый и добрый, поможешь мне вернуть его охладевшую любовь», – надеялась Элизабет Барретт, теперь уже миссис Браунинг. Надеялась напрасно.

Мистер Барретт так и не простил беглянку-дочь, вычеркнув ее из своего завещания и, видимо, из своего сердца. Тем не менее, замужняя жизнь пошла ей на пользу: здоровье Элизабет поправилось, творческий дар расцвел еще ярче, и в 43 года она даже родила сына.

Однако настоящие авантюристы, особенно несовершеннолетние, предпочитали свадьбу в Шотландии. Нет, это не реклама свадебного агентства, организующего венчания в замках и фотосессии на фоне скал, это способ быстро пожениться без всякого официоза. Чтобы зарегистрировать брак в Шотландии, на которую не распространялся английский закон, жених и невеста всего лишь называли друг друга мужем и женой в присутствии одного свидетеля. Брачный возраст был и вовсе смешным: 14 лет для мальчика и 12 для девочки, к тому же родительского согласия не требовалось. В довершение всех благ, заключенные в Шотландии браки официально признавались в Англии, поэтому родина Роберта Бернса и Вальтера Скотта стала новой Меккой для влюбленных, как бедных, так и богатых. Англичане уезжали в Эдинбург, но еще популярнее была деревушка на юге Шот-

ландии под названием Гретна-Грин. Для пушшего экзотического колорита венчания там проводил кузнец – новобрачным было что вспомнить! Довольно скоро парочки заполнили всю Гретна-Грин (вот что значит удачный маркетинг!), и постоянные дворы предлагали им «пакет услуг» – кров, стол и свидетельство о браке. С развитием железных дорог число «свадеб на скорую руку» возросло, пока в 1856 году лавочку не прикрыли: законодатели потребовали, чтобы хотя бы один из молодоженов прожил в Шотландии три недели до свадьбы. В это же время в Англии разрешили гражданские браки, и свадьбы в Шотландии утратили свои преимущества.

Основные свадебные расходы ложились на отца невесты: он оплачивал церемонию с последующим приемом, украшение церкви, музыку, карету и все прочее. Именно отец подписывал с женихом брачный договор (обратите внимание, что невеста в него даже не заглядывала), в котором было указано, сколько денег будет предоставляться жене «на булавки» после свадьбы. Чаще всего отец отправлял дочь в новый дом не с пустыми руками, а с приданым.

«Этикет брака» не советует выбирать для приданого слишком роскошные и претенциозные наряды, а ограничиться *«простыми, добротными вещами, такими как платье для путешествий, утренний и дневной наряд и платье для визитов»*, а также вечернее или бальное платье и *«разумное количество»* шляпок и накидок. В 1856 году «Иллюстрированные лондонские новости» описывали приданое

богатой модницы, которое выходило далеко за пределы того, что могла себе позволить женщина из среднего класса. Приданое включало в себя пять осенних платьев – из зеленого шелка, отделанное черным бархатом, из голубого шелка с прелестными воланами, коричневое шелковое с отделкой из лент более темного цвета, очаровательное платье из китайского шелка и юбку бордового цвета с корсажем. Компанию этим нарядам составляли легкие кисейные платья, вечернее платье из белого муара и белый тюлевый бальный наряд, расшитый алыми цветами.

Когда дата свадьбы наконец-то была объявлена, мать невесты сообщала о предстоящем событии близким родственникам, а невеста – своим друзьям. О свадьбах значительных персон писали в газетах, однако дату разглашали только приглашенным на церемонию – вдруг набегут любители дармовщины? Приглашения рассылались за две-три недели до свадьбы, и гости должны были ответить незамедлительно. Подарки новобрачным отправляли за несколько недель до свадьбы, однако не было какого-то строго установленного времени. Рекомендовалось избегать ненужных или бессмысленных даров, а преподносить исключительно полезные вещи. Например, замысловатая шкатулка для драгоценностей не подходила небогатой паре, а чаша для пунша – трезвенникам. Подходящим подарком считался фарфор, хрусталь, украшения для дома, чайные сервизы и наборы посуды и прочие вещи, полезные в хозяйстве. Деньги

могли дарить только родители, богатые родственники и самые близкие друзья. Исключением считались сельские свадьбы в Шотландии и Уэльсе, которые во многом отражали современную российскую традицию: каждый гость приносил деньги (от шиллинга до полукроны), чтобы покрыть расходы на празднование свадьбы и помочь молодоженам обустроить дом на первых порах.

Накануне свадьбы родители невесты устраивали ужин, чтобы представить жениха семье и друзьям. К тому времени образцовый жених из среднего класса должен был подготовить новый дом, посоветовавшись с невестой по поводу цвета занавесок и прочих жизненно важных вещей. Помимо приобретения лицензии он отвечал за покупку обручального кольца, обычно золотого, без украшений. Хорошим жестом со стороны жениха считалось подарить невесте что-нибудь на память – зачастую колечко для помолвки, которое девушка носила на среднем пальце левой руки, пока его место не занимало обручальное кольцо. Какими драгоценными камнями будет украшено кольцо для помолвки, зависело, конечно, от дохода жениха и от его суеверности: например, опалы считали вестниками беды, а жемчуг символизировал слезы, так что брать их не советовали. Лунные камни (приносившие счастье), сапфиры (символ вечной любви) и рубины (олицетворяли преданность) считались альтернативой бриллиантам, которые, как известно, лучшие друзья девушек. Покупка свадебного букета тоже была обязанностью

жениха. Букет невесты обычно состоял из цветов апельсинового дерева (флердоранж) или других белых цветов, таких как камелии, азалии или гардений.

Подружек у невесты могло быть сколько душа пожелает: от одной до десяти. Обычно ими становились незамужние младшие сестры и близкие подруги невесты или же сестры жениха. «Этикет ухаживаний и брака» рекомендовал назначить одну «старшую» подружку, которая сопровождала невесту по магазинам, помогала в подготовке наряда, одевала и успокаивала ее перед венчанием, а во время церемонии держала ее букет и перчатки.

Свадебные платья в XIX веке шили из шелка, атласа, парчи или муслина. Изящную головку невесты украшал венок из флердоранжа, вместе с кружевной или тюлевой фатой. Хотя в ходу были платья всех расцветок от голубого до черного, белый цвет уже прочно вошел в свадебную традицию. Популярность белых свадебных платьев нарастала с середины 18-го века, а королева Виктория окончательно закрепила эту моду – замуж за принца Альберта она вышла в белоснежном платье.

Гости обычно приезжали к церкви около 11 часов утра. К алтарю, где уже стоял жених, невесту вел отец или брат, за ней следовали подружки или же девочки, державшие корзины с цветами. У алтаря невеста становилась по левую руку от жениха, родители и незамужние сестры вставали слева от нее, за ними выстраивались подружки. После церемонии моло-

дожены следовали за священником в ризницу, где подписывали свидетельство о браке. После этого вся честная компания ехала праздновать.

Подготовкой торжества занималась мать невесты: она уточняла количество гостей, меню, украшение зала и пр. До конца века, когда свадебные вечеринки начали проводиться в отелях, празднование проходило дома. Чаще всего это был поздний завтрак, который, тем не менее, больше походил на званый обед: меню включало супы, вторые блюда и шампанское вместо чая и кофе. Центром же праздничного стола был свадебный торт – в XIX веке он превратился в сложную конструкцию, украшенную глазурью и марципаном. К концу Викторианской эпохи празднование свадьбы сместилось с утренних часов до дневных (свадьбы проводились между 9.00 и 15.00), и популярными стали полуденные чаепития, поскольку стоили дешевле и позволяли принять большее число гостей. Разумеется, балы и званые вечера также имели место – все зависело от дохода и пожеланий новобрачных.

Самым приятным аспектом свадебной церемонии было не платье и даже не торт, а следовавший за ней медовый месяц. Свадебное путешествие длилось от одного выходного дня до нескольких месяцев – опять же, в зависимости бюджета. Менее зажиточные супруги ездили по Англии, посещали морские побережья в Девоне и Брайтоне или Озерный край, а господа побогаче выбирались в Европу, например в Вене-

цию, Рим или Париж.

Подписание свидетельства о браке. Рисунок из журнала «Кэсселс», 1890.

Сексуальность

Предназначением женщины в Викторианскую эпоху было супружество и материнство. К этому девочек готовили с самого детства, обходя за полмили вопросы, касающиеся секса. Порою акт любви становился для скромных невест сюрпризом, и далеко не самым приятным. Мемуаристка Эвелин Пауэлл писала, что ее матушка до свадьбы занималась благотворительностью, помогая «падшим девушкам», но при этом даже не подозревала, в чем именно заключалось их падение. Когда ей было 80, она спросила свою дочь Эвелин, что такое выкидыш. Эффи Грей, жена критика Рёскина, писала, что до свадьбы ей *«никогда не говорили, в чем состоят обязанности супругов по отношению друг к другу, и я знала ничтожно мало об отношениях этих самых близких друг другу людей»*.

Поскольку женское целомудрие было важной составляющей респектабельности, матери из рабочих кварталов тоже заботились о том, чтобы их дочери ненароком не узнали о сексе. Уже в начале XX века между девочкой-подростком и ее консервативно настроенной родней состоялся следующий разговор: *«Я говорю ей – ба, ты знаешь миссис Биббс? А у ней еще один ребеночек будет. А тут мама и говорит – да ну, а ты откуда узнала? А я ей – Молли Дэвис сказала, что можно заметить ее большой живот под белым фар-*

туком. А мама как врежет мне по уху! До сих пор помню. Сказала, чтоб я держалась от этой Молли Дэвис подальше. А бабушка и говорит – да не бей ты ее по ушам, лучше уж по ногам ей надавай». И хотя обе женщины разошлись во мнениях относительно способа наказания, обе сочли его необходимым, чтобы девочка не научилась гадостям. Некоторые жительницы лондонских окраин считали, что при родах живот должен раскрыться сам собой, а уже в 1930-х (!) одна молодая мать с удивлением сообщила мужу, что «ребенок появился оттуда же, куда он его засунул». Впрочем, в трущобах, где вся семья спала в общей спальне, а то и в одной кровати, и в деревнях, где невест до брака проверяли на плодовитость, девушки были более осведомлены о «птичках и пчелках».

Что же касается сексуальных утех после свадьбы, викторианцы так и не пришли к консенсусу. Значительная часть общества соглашалась с высказыванием доктора Уильяма Эктона: «Большинству женщин, ко всеобщему благу, не свойственны какие-либо сексуальные чувства». Разумеется, доктор Эктон, специалист по проституции, имел в виду исключительно женщин своего круга. Низшие же классы по части распутства могли и Мессалину за пояс заткнуть. Парадоксально, но некоторые английские феминистки тоже разделяли теорию о том, что женщины не испытывают сексуальное возбуждение. Таким образом они пытались провести черту между женщинами, страдавшими от сексуального на-

силия, и мужчинами-агрессорами.

Хотя домашний ангел – бесстрастный и в то же время заботливый – был идеалом женственности, к нему стремились не все. Многие замужние викторианки, как и наши современницы, наслаждались половой жизнью. Через неделю после свадьбы королева Виктория написала премьер-министру лорду Мельбурну: *«Я никогда не могла и подумать, что мне будет уготовано столько счастья»*. Королева часто покупала картины с обнаженными телами и дарила их принцу Альберту. Христианский социалист Чарльз Кингсли, известный в наши дни скорее романом «Дети вод», чем проповедями, предложил своей невесте Фанни целый месяц после свадьбы жить в целомудрии, как брат и сестра. Но со временем страсти в нем воспылали, и он начал слать жене письма, в которых религиозная символика соседствовала с откровенной эротикой. Время от времени он присылал ей пикантные скетчи, изображавшие, среди всего прочего, как они занимаются сексом, поднимаясь к небесам. В свою очередь, Фанни Кингсли записывала в дневнике, что ее кровь вскипает от поцелуев, и получала от секса огромное удовольствие.

Объятия. Иллюстрация из журнала «Кэсселлс», 1887.

Образованные представительницы среднего класса пытались бороться с вездесущим ханжеством. Так, в 1885 году был сформирован Клуб мужчин и женщин, члены которого обсуждали такие животрепещущие вопросы, как отношения между полами, сексуальность, проституция. Основателем клуба стал Карл Пирсон, математик и сторонник евгеники (науки об улучшении расы и предотвращении вырождения). Не все женщины, примкнувшие к обществу, разделяли его взгляды, скорее уж им хотелось поговорить о сексуальности в спокойной обстановке, не краснея и не бормоча себе под нос. Среди дам, посещавших дебаты, была известная в те годы писательница Оливия Шрайнер, уроженка Южной Африки, в романах которой часто поднимается тема бесправия женщин.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.